

КУЛЬТУРА

М.А. ФЕЛЬДМАН

**Отношение к культурным ценностям
у рабочих СССР в 20-е годы XX века**

Период войн и революций (1914–1921 гг.) не мог не отразиться на культурном уровне рабочих России. Соглашаясь с мнением французского историка А. Безансона о том, что "идеология разорвала связь между старым и новым режимом" [Безансон, 1998, с. 8], замечу: изменения в сфере культурного уровня рабочих оказались не столь глобальными, как это казалось властным структурам и ряду современных обществоведов. Утверждения политиков и публицистов 20-х гг. XX в. о "культурной революции", "невиданно быстром росте культуры" не были подтверждены каким-либо статистическим материалом. Второй том шеститомной "Истории советского рабочего класса", вышедший в 1984 г., уделил проблеме "подъема культурного уровня рабочих и формирования коммунистического мировоззрения" в 1920-е гг. лишь две страницы самого общего содержания [История... 1984, с. 105–106].

В постсоветской исторической литературе в немногочисленных публикациях акцент сделан на характеристике региональных особенностей культуры промышленных рабочих [Бехтерева, 2000] либо на особенности политической культуры пролетариев [Яров, 1999]. Предлагаемая статья концентрирует внимание на наиболее заметных сюжетах, раскрывающих отношение к культурным ценностям у рабочих СССР в 1920-е гг.

Препятствием на пути культурной революции (или аннигиляции) стала прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, во многом определяющих социокультурный уклад промышленных рабочих, равно как и цивилизационная граница между рабочим социумом и городской элитой [Фельдман, 2006]. Конечно, с учетом гибели в годы Гражданской войны, эмиграции, деклассирования представителей бывших сословий упростилась социальная структура советского города, снизился его интеллектуальный потенциал. Характерно, что после обязательных слов о "неизмеримо великой современной культурно-просветительской работе... создающей собственную пролетарскую культуру", известная исследовательница Е. Кабо, отталкиваясь от конкретного материала обследований московских рабочих, ввела в научную литературу совершенно иные оценки, например, об *отчуждении подавляющей массы столичных рабочих середины 20-х гг. от книжного чтения*. По ее данным, 60% рабочих столицы вообще не читали книг [Кабо, 1928].

Материалы обследования 1924 г. интерпретировались следующим образом: **"классики русской литературы не удовлетворяли обследованных московских рабочих** (выделено мной. – М.Ф.), так как они не находили в трудах писателей социально-

го звучания. Не успев дорасти до классической литературы художественно, рабочие переросли ее социально" [Кабо, 1928, с. 191]. В описываемую эпоху, утверждала Кабо, рабочие чувствуют потребность не в чтении великих мастеров русской словесности, но в простых и понятных учителях жизни (М. Горький, Ф. Гладков, А. Неверов и др.). Для современного читателя эти строки говорят в большей степени о неспособности значительной части рабочих оценить художественные достоинства классической литературы, чем о высокой социальной сознательности пролетариев.

Не только феноменом массовой неграмотности и малограмотности [Фельдман, 2007^a] объясняется незначительный процент рабочих среди читателей библиотек, даже с учетом "вымывания" социальных групп "бывших". (В 1927 г. доля рабочих среди всех читателей библиотек Урала не превышала 19% [Чуфаров, 1982].) В определенной степени такое положение основывалось на том, что книжный фонд библиотек не был рассчитан на массового пролетария. По свидетельству "Рабочего журнала" – ведущего профсоюзного издания на Урале – политические журналы, "собрания сочинений Ленина, Плеханова и Шекспира лежат в шкафах неразрезанными"! Знаменательно и другое. На той же странице журнала звучал призыв: «надо посылать в наши библиотеки больше "лубочной" литературы. Эту литературу рабочие будут читать охотно» [Рабочий... 1924, с. 10]. Перед нами не только констатация профсоюзным журналом *подлинных* литературных вкусов большинства рабочих, но и подтверждение продолжения в советское время дореволюционной государственной политики распространения в рабочей среде лубочной литературы [Хелман, 1999].

Обнищание промышленных рабочих России, переживших годы войн и революций 1914–1921 гг., коснулось не только материальной, но и культурной сферы. Негативные тенденции в 1920-е гг. в наибольшей степени заметны у квалифицированных рабочих. Обследования бюджетов рабочих указывают на сокращение удельного веса затрат на культурные нужды в общих расходах квалифицированных рабочих промышленности России: с 5,4% в начале XX в. до 1,8% в ноябре 1927 г. Следует отметить и сокращение разрыва удельного веса расходов на культурные нужды в общих расходах квалифицированных и неквалифицированных рабочих. С скромно смотрелись культурно-просветительные расходы рабочих семей СССР на фоне аналогичных расходов США (4,7% в 1918 г.) и Германии (5,4% в 1926 г.) [Бюджеты... 1928, с. 28, 76]. Расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 хозяйственном году включал в себя следующие статьи расходов на культурные нужды: 2% на образование; 0,9% — на развлечения; 2,3% — на отдых и поездки; всего же — 5,2% всех расходов семьи [Маркузон, 1929, с. 255]. С учетом вышесказанного в 1920-е гг. следует говорить не о подтягивании менее культурных слоев рабочих крупной промышленности СССР к более культурным, а (если мы говорим о массовом явлении) об обратном процессе: нивелировании культурных знаний и потребностей рабочих к запросам малообразованных, малоквалифицированных пролетариев.

Несмотря на бесплатность многих культурных развлечений, советские рабочие 1920 гг. редко посещали театры и кино. Распространение нэповских хозрасчетных начал привело начиная с 1925 г. к сужению масштабов культурной благотворительности (бесплатное посещение кино и театров). Так, число бесплатных спектаклей для рабочих в Москве в сезон 1922/23 г. составляло 7,9% к общему числу спектаклей, а в 1925/26 г. – только 3% [Пинегина, 1984, с. 164]. В 1925 г. на одного малоквалифицированного рабочего столицы приходилось 0,3 посещения театра в год, 0,2 посещения выставок и музеев; на одного квалифицированного, соответственно, 0,7 и 0,2. Как видно, и сама величина (по сути, разовое посещение в год), и отсутствие *качественных* различий между посещениями выставок и музеев малоквалифицированными и квалифицированными рабочими показывают весьма малую заинтересованность рабочих в названных культурно-просветительных заведениях. Вместе с тем материалы обследования рабочих Москвы 1925 г. показали двойной разрыв в посещении основных культурно-просветительных заведений рабочими низкой и высокой

квалификации как в целом по величине посещений на одного обследуемого, так и по показателю *доли* посещающих кино, театры, выставки, музеи и прочие зрелища [Кабо, 1928].

Еще одним фактором, подталкивающим к понижению культурного уровня рабочих, стала цензура всех уровней. В 1920-е гг. не только цензура компетентных органов, партийных комитетов, но и мнение малообразованных слоев рабочего социума выносили вердикт о целесообразности того или иного кинофильма, театрального спектакля, лекции. Этому способствовал институт так называемых театральных корреспондентов из рабочих, созданный в 1924 г. при журнале "Рабочий и театр". По мнению партийных органов, рабочие – театральные корреспонденты "зорко следили за идеологической выдержанностью репертуара профессиональных театров, не позволяя им опускаться до репертуара низкопробных зрелищ" [Пинегина, 1984, с. 171].

Проблема заключалась в том, что едва грамотные рабочие корреспонденты критиковали такие вещи, в которых сами не разбирались. В мягкой форме это выразил на совещании в Наркомпросе в 1927 г. В. Мейерхольд: "...зритель... нам кое-что начинает диктовать, и через... ВЦСПС уже подает нам сигнал к тому, чтобы мы строили пьесы несколько иначе..." [Пинегина, 1984, с. 172]. Чаще всего рабочие критиковали оперетту и мюзиклы. Это было обусловлено тем, что театральным корреспондентам было трудно понять, что произведения искусства воздействуют на психику сложными путями; важно не только содержание, но и художественный настрой.

Партийные работники могли возмущаться тем, что в одном из индустриальных центров Урала – Златоусте число зрителей-рабочих, посмотревших зарубежный фильм "Варьете", в три раза превосходило число посетителей революционного фильма "Октябрь", а в другом промышленном городе – Лысьве большинство фильмов, показанных в рабочем клубе, были иностранными. Но и сами рабочие, например, Златоустовского механического завода, в коллективных письмах через газету стремились определять репертуар местного театра, требуя упрощения содержания спектаклей [Сергеев, 1928], а представители Кусинского завода (также используя прессу) хвалили труппу московского театра Пролеткульта за выбор пьес *только* советских авторов [Андрианова, 1989]. Анализ требований рабочих в сфере сценической деятельности говорит об узкоклассовом подходе, упрощенных оценках явлений культуры; отрицании жанров театрального искусства, не доступных пониманию рабочих.

Эти же недостатки наблюдаются и в пьесах, написанных самими рабочими. При позитивном посыле – появлении новых героев и жизненных коллизий социальных низов – рабочие-драматурги без специальной подготовки, не владея законами творчества, не умея выстроить пьесу, как правило, писали беспомощные вещи в форме диалога, лишённого действия, драматической напряженности, конфликта. Не помогала и поддержка местных властей. Так, в Вятке более тысячи раз прошел спектакль по написанной И. Новожиловым пьесе "Классовая борьба в Вятской губернии". Но и этот "успех" оказался временным в жизни театра [Пинегина, 1984].

Фактически цензура "сверху" и "снизу" была частью идеологического пресса, давшего на рабочих России. Не только культурная отсталость части рабочих, но и политика правящей партии по отношению к культуре прошлого, к интеллигенции усиливали антиинтеллектуальные настроения в рабочей среде, и прежде всего "спецеество" [Делицой, 1998]. "Спецеество" рождало ответную реакцию интеллигенции, направленную на защиту своих чести и достоинства. В 1920-е гг. это были, как правило, публикации специалистов, из которых думающие рабочие могли почерпнуть информацию о подлинном состоянии дел в экономической и социальной сферах [Фельдман, 2000].

Постепенно культурная жизнь советских рабочих концентрировалась вокруг кино. Один взрослый *столичный* рабочий – глава семьи посещал кинотеатр в среднем раз в два месяца, а театр – раз в два года. Жены рабочих в кино и театрах бывали реже, а молодежь – несколько чаще [Кабо, 1928].

Исследования в столицах и в провинции выявили новое социокультурное явление – социальный слой рабочих, постоянно читающих **газеты**, но для которых "книги играли второстепенную роль". Это означало возникновение массива читателей, ориентирующихся только на *отфильтрованную информацию, поступающую сверху*. Поощряя чтение газет и юмористических журналов [Кабо, 1928], советское руководство фокусировало свободное время части рабочих на чтении официальной хроники и трактовки событий в ущерб книжному чтению. В провинции элементы традиционной культуры были ощутимее, чем в столице.

Советское государство рассматривало культурно-просветительные учреждения как важную форму распространения тоталитарной идеологии, сакрализации коммунистических ценностей, способных преодолеть сопротивление традиционного и "буржуазного" пластов культуры. Подсчеты (по материалам профсоюзной переписи 1929 г.) свидетельствуют: в работе клубов всех видов участвовали 8% текстильщиков – самого многочисленного обследованного массива рабочих, 10% металлургов и шахтеров, 16% машиностроителей, а в целом – порядка 10% членов профсоюзов [Рашин, 1930]. Это означало, что даже по официальным документам не более 10% рабочих и служащих в той или иной форме участвовали в работе культурно-просветительных учреждений [Уральский... 1928].

Если в период 1908–1913 гг. в работе культурно-просветительских клубов принимали участие примерно 1% промышленных рабочих России [Фельдман, 2007⁶], то к концу 1920-х гг. наблюдался рост слоя рабочих, посещающих клубы, занимающихся (активно или пассивно) художественным творчеством: до 10% среди членов промышленных профсоюзов и 5–7,5% промышленных рабочих. Профсоюзная перепись 1929 г. приводит весьма примечательные данные по этому вопросу. О какой-то активности рабочих СССР в сфере учреждений клубной культуры можно говорить лишь применительно к *молодежи* до 22 лет (пятая часть рабочих-металлургов, шахтеров и текстильщиков, более четверти машиностроителей СССР в возрасте до 22 лет участвовали в работе клубов). У основных же названных категорий рабочих (23–29 лет и 30–39 лет) аналогичные показатели оказались в два-три раза меньше [Рашин, 1930].

Материалы профсоюзной переписи 1929 г. показали: среди промышленных рабочих СССР от 15 до 22 лет процент участвовавших в работе клубов (19,4%) был в 2,3 раза выше, чем в категории 23–29 лет и в 3,8 раза – в категории 30–39 лет [Рашин, 1930]. Однако вряд ли эти показатели радовали властные структуры: следуя терминологии тех лет, "охваченной" являлась только одна пятая часть рабочей молодежи. К неудовольствию партийных органов четверо из пяти молодых рабочих самостоятельно решали, как им проводить свободное время.

Часть рабочей молодежи действительно принимали активное участие в работе клубов, политических и общественных организаций, находясь под влиянием романтизированных ценностей революции и Гражданской войны. Но в целом совокупный молодой человек 1920-х гг. устал от политики и классовых битв. Лишь 0,6% юношей и 1,5% девушек к концу 1920-х гг. стремились подражать героям революции. Идеалами для подростков становились собственное благополучие и материальные блага [Рожков, 1999]. Таким образом, среди посетителей клубов и кружков, рабочих театров преобладала пролетарская молодежь зачастую невысокой квалификации, но наиболее близкая к власти – комсомольцы или молодые коммунисты. Для этой части пролетарской молодежи культурные мероприятия превращались в большей степени в форму идеологического воспитания, чем в восприятие художественных норм и знаний.

Приведенные данные показывают, что к концу 1920-х гг. лишь 5–7,5% промышленных рабочих, преимущественно молодых, проявляли интерес к развлекательной части культурной сферы городской жизни – явное меньшинство рабочего социума. Эти факты будут осознаваться еще рельефнее, если добавить, что до половины членов клубов составляли коммунисты и комсомольцы: 20–30% и 30–40% среди комму-

нистов и комсомольцев, соответственно; аналогичный показатель у основной массы беспартийных пролетариев не превышал 5% [Рожков, 1999].

Культурный облик рабочих-коммунистов, оставшихся на производстве (то есть не вынесенных наверх волнами социальной мобильности в разряд "выдвиженцев"), как ни странно, четко зафиксирован в партийных документах. В двух постановлениях ЦК ВКП(б) – "О регулировании роста партии" (декабрь 1926 г.) и "О партийной работе на крупных предприятиях" (август 1927 г.) прямо говорилось, что в партийных организациях промышленных предприятий преобладали малоквалифицированные рабочие [Справочник... 1928]. Ярким свидетельством эпохи можно считать отчет парткома крупного оборонного завода в Мотовилихе (Пермь, 1923 г.). В нем говорилось: среди коммунистов завода преобладает "беднота со средней, а то и низкой квалификацией... Среди рабочих-коммунистов в возрасте от 20 до 28 лет доминировали люди, выбитые из нормальной колеи, без определенных профессий, зарывающиеся и малоустойчивые" [Государственный...; Центр...].

Судя по всему, у партийных вождей не было иллюзий по поводу культурного багажа класса-гегемона. К тому же социологические исследования – неотъемлемая часть жизни 1920-х гг. – давали обширную информацию для размышлений. Исследование 1923 г. коммунистов Пермского уезда (из них 80% рабочих) выявило: только 31% посещали библиотеки; 27,2% регулярно читали книги и газеты [Государственный...]. Но и в столицах картина была весьма схожей: молодой питерский рабочий в среднем в неделю на "самовоспитание", включавшее чтение газет и книг, занятия в кружках, посещение лекций, выставок, музеев, тратил 1,9 часа; в менее крупных индустриально-культурных городах – 1,6 часа [Лебина, 1999].

Важное значение имеет следующее наблюдение. У металлистов Ленинграда, Москвы, Украины, металлургов Урала, шахтеров Донбасса и Сибири удельный вес участвующих в работе клубов снижался в зависимости от роста квалификации [Рашин, 1930]. Парадоксальным на первый взгляд казалось участие квалифицированных рабочих в работе культурно-просветительных заведений в меньшей степени, чем неквалифицированных. Однако за этим скрывался глубокий смысл. Довольно обширное представительство в деятельности клубов и кружков, агитационных и пропагандистских мероприятий, различных форм политической учебы не могло не оттолкнуть ту часть квалифицированных рабочих, которые немного приобрели от прихода советской власти. Перед нами весьма наглядное проявление не только культурных пристрастий, но и политических настроений наиболее квалифицированной части промышленных рабочих.

В чем заключались причины такого положения? Ведь советское руководство рассматривало культурно-просветительную сферу как важное звено "перевоспитания масс"¹. Ответ, на первый взгляд, лежит в чисто материальной плоскости: в 1920-е гг. расходы на культурно-социальные нужды государства и самих рабочих были невелики. Но не менее важно и другое: рабочие городов и заводских поселков России сохраняли социальную корпоративность – мощное препятствие на пути любых модернизационных усилий [Согрин, 1998, с. 133]. Классическая версия советской культуры – сакрализация секулярных (общественно-политических) ценностей и вытеснение сакральных ("смысло-жизненных") ценностей на периферию [Зудин, 1999, с. 60] – наталкивалась по крайней мере на два препятствия. Во-первых, это уклад жизни рабочих, требующий сохранения собственного хозяйства. (Напомню: внутри массива промышленных рабочих СССР 1920-х гг. имелось два слоя: собственники и пролетарии.) [Фельдман, 2006]. Во-вторых – заметное влияние на культурный уровень рабочих (зачастую упущенное из виду современниками) религиозного фактора. Система моральных ценностей православного христианства наряду с воззрениями других ре-

¹ По мысли В. Ленина, рабочие клубы должны были превратиться в "одну из важнейших позиций для просвещения рабочих" [Ленин... с. 271].

лигий сотни лет была основой духовно-нравственных отношений в российском обществе. Если спустя семь послереволюционных лет церковь в Москве продолжали посещать 12% обследованных рабочих и половина их жен, то обряд крещения детей в 1924 г. совершали 70% рабочих семей столицы. Интерес к религиозным вопросам сохранялся у четверти московских рабочих [Кабо, 1928]. Напомню, речь шла о московских рабочих, "избалованных", по словам Кабо, политической пропагандой и выступлениями крупнейших политических деятелей СССР на заводских собраниях в 1920-е гг. Нередки случаи, когда более половины всех заводских рабочих были "вполне верующими и регулярно посещали храмы". Нормы традиционного быта, в том числе религиозность, сохраняли особо прочные позиции среди рабочих-владельцев земельных наделов [Булавин, 2000]. По обоснованному суждению И. Нарского, "народная вера сохраняла качество и функцию культурного кода, позволяющего интерпретировать непонятные события в привычных категориях, определявшего поведение в неясной ситуации" [Нарский, 2001].

Следует обратить внимание на сохранение религиозных традиций в рабочем социуме, противостоящее даже "чистоте партийных рядов". Так, обследование условий жизни 498 коммунистов Пермского уезда в 1923 г., 80% из которых составляли рабочие Мотовилихинского завода, показало: 41,7% коммунистов сохраняли дома иконы; у 39% – члены семей посещали церковь [Государственный...]. Более широкое позднее обследование (1927 г.) в Перми выявило наличие икон у 70% жителей рабочего центра, 30% из них совершали религиозные обряды, 22,4% – посещали церковь [Просвещение... 1928]. В июле 1922 г. рабочие Петрограда прекращали работу, протестуя против приговора ревтрибунала по делу митрополита Вениамина, тысячи рабочих участвовали в крестных ходах [Трудовые... 1998]. Основными очагами выступлений против изъятия церковных ценностей в том же 1922 г. стали промышленные центры России, включая Петроград и Москву [Кривова, 1997].

В 1925 г. только 25% рабочих Ижевского завода считали себя атеистами, при этом именно кадровые рабочие выступали против закрытия религиозных храмов [Бехтерева, 2000]. В 1924 г. можно было говорить о сохранении религиозных традиций у половины московских рабочих и 60% их жен [Кабо, 1928]. Приведенные показатели диапазона рабочих промышленности СССР, сохранивших верность религиозным традициям в середине 1920-х гг. (75–50%), для нас важны еще и потому, что результаты переписи 1937 г. указывают на сохранение в рабочей среде нижней границы этого массива.

Характерно, что власти, отмечая сохранение религиозных убеждений в рабочей среде, главную вину за это возлагали на *женщин* из рабочих семей, рассматривая последних как "*хранительниц устоев*" [Центр...]. Судя по документам, например информационным отчетам райкома РКП(б) из уральского промышленного центра Чусовского (1924 г.), партийные органы волновала не столько сама женская религиозность, сколько неприятие верующими официальных доктрин. (Роль женщин в сохранении религиозных, земледельческих – в условиях города и поселка – культурно-бытовых традиций в советское время еще ждет своего исследователя.)

В советском обществе большая часть населения страны испытывала потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения [Крапивин, 1999]. Кроме того, традиция компактного расселения рабочих – выходцев из области или района, представляющих одну религию, религиозную общину, – сохранялась. В старых городах и рабочих поселках существовали целые улицы, населенные земляками, где из поколения в поколение воссоздавались обрядовые элементы традиционной культуры [Крупянская... 1974]. В новых поселениях из-за бытовой неустроенности, большей зависимости рабочих от предприятия, частой перемены места работы землячества играли меньшую роль. Однако и здесь необходимость борьбы за выживание диктовала сохранение взаимопомощи, черт общинной психологии.

Атеистический курс, возведенный в ранг политики государства, привел к разрушениям в области культурного наследия как материального, так и морального свойства. Из 50 тыс. церквей, соборов, храмов и монастырей, существовавших в России до 1917 г., по меньшей мере, 30 тыс. были уничтожены или погибли в процессе саморазрушения. Большинство остальных было закрыто или передано местной администрации для использования, не связанного с их прямым назначением [Памятники... 1991]. Казалось, на этом "фронте" удалось добиться некоторых успехов. Сокращалось количество невыходов рабочих на работу в престольные праздники, особенно на военных заводах. Если в 1917–1921 гг. 90% всех браков в рабочей среде были церковными, то в 1920-е гг. число таковых сократилось примерно до половины. Современный исследователь, отталкиваясь от роста преступности и пьянства в рабочих городах и поселках, обращает внимание и на иную сторону проблемы: рост безбожья в среде молодых рабочих шел параллельно не с духовным развитием личности, а с ее деградацией [Булавин, 2000].

Даже краткое описание отдельных направлений, раскрывающих отношение рабочих России в 1920-е гг. к культурным ценностям, свидетельствует о существенном сокращении (в сравнении с дореволюционным временем) основ европейской цивилизации, западных начал, городской культуры в духовном мире тех людей, которых официальная пропаганда называла "классом-гегемоном". Индустриализация 1930-х гг. потребует частичного восстановления указанного потенциала, выделив ему жестко очерченную технократическую лакуну: производственные знания.

Подведу итог. Базовое противоречие советской культуры – несоответствие внутреннего содержания ценностей их официальному положению [Зудин, 1999] – получило у промышленных рабочих СССР 1920-х гг. дополнительные каналы развития: в зависимости от возрастного, квалификационного признака; принадлежности к кадровым рабочим; к слою собственников или отсутствия собственности.

Рабочие старших возрастов, для которых период 1914–1921 гг. стал временем материальных и духовных страданий, разрушением привычной социальной иерархии и этических норм, стремились к сохранению традиционных культурных ценностей. В принципе это расхождение можно было бы рассматривать как поведенческо-возрастное, если бы не существенное "но". В основе традиционных ценностей российских промышленных рабочих лежал постоянный труд, передача секретов мастерства во *всех областях трудовой деятельности*. Для большинства же советских руководителей трудовая деятельность за пределами завода была чужда. Точно так же были чужды собственность, стремление к высокому заработку, оригинальность мастерства. Парадокс заключался в том, что, официально ориентируясь на поддержку кадровых рабочих, в реальной жизни правящая партия не стремилась к расширению связей с квалифицированными тружениками.

Молодое поколение рабочих СССР оказалось перед выбором различных культурных ценностей, и за его "правильностью" следило не только государство, но и социальные группы расколотого рабочего класса. Если до 1914 г. культурная политика государства была наиболее близка культурным ценностям квалифицированной части рабочих, то после 1917 г. власть (не на словах, а по сути) ориентировалась прежде всего на неимущие, малоквалифицированные слои рабочих. Власть, провозглашая лозунг культурной революции, в качестве мерила и исходной позиции выставила социокультурные ценности малоквалифицированных рабочих, что заведомо сужало возможности модернизации в СССР. Вместе с тем оценку событий первой четверти XX в. как "культурную катастрофу" следует в большей степени адресовать к бывшим элитным слоям общества. Что же касается рабочих СССР, то *меньший масштаб разрушения мировоззренческих ценностей* объясняется преобладанием в рабочей среде многовековых традиционных культуры и быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреанова Г.С. Творческое содружество рабочего класса и художественной интеллигенции Урала (1919–1941 гг.) // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989.

- Безансон А. Советское и русское прошлое. М., 1998.
- Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2.
- Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
- Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922–1927 гг. М., 1928.
- Государственный архив новейшей истории общественно-политических движений Пермской области – ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 91. Л. 1; Д. 101. Л. 202.
- Делицой А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919–1931 гг.: проблема взаимоотношений. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.
- Зудин А.Ю. Культура советского общества: логика политической трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 3.
- История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. М., 1984.
- Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. Т. 1. М., 1928.
- Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917–конец 20-х гг.). СПб., 1999.
- Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997.
- Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970 гг.). М., 1974.
- Лебина С.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-гг. СПб., 1999.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
- Маркузон Ф.Д. Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 г. // Плановое хозяйство. 1929. № 12.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001.
- Памятники Отечества. Альманах ВООПИиК. 1991. № 2.
- Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. М., 1984.
- Просвещение на Урале. 1928. № 5.
- Рабочий журнал. 1924. № 5.
- Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата в СССР. М., 1930.
- Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // СОЦИС. 1999. № 7.
- Сергеев С. За качество культурной работы, за коммунистическое воспитание масс // Уральский коммунист. 1928. № 9, 10.
- Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX в. // Общественные науки и современность. 1998. № 4.
- Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М., 1928.
- Трудовые конфликты в СССР, 1918–1929 гг. М., 1998.
- Уральский коммунист. 1928. № 1.
- Фельдман М.А. Культурные ценности рабочих России в первые десятилетия XX века // Общественные науки и современность. 2007^б. № 6.
- Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в начале XX века // Вопросы истории. 2006. № 1.
- Фельдман М.А. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX в. // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества. Екатеринбург, 2000.
- Фельдман М.А. Уровень образования рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007^а. № 10.
- Хелман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области – ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 118. Л. 94; Ф. 4. Оп. 2. Д. 100. Л. 3, 29.
- Чуфаров В.Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920–1927 гг. // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Свердловск, 1982.
- Яров С.В. Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.